

ГРАНИЦА ИЗ ТУМАНА

Ярослав Нестеров

Ярослав Алексеевич Нестеров

Граница из тумана

**Серия «Геометрия
существования», книга 2**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73486198

SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая книга цикла – "Геометрия существования".

Восточные равнины. Край Легиона, где кончается порядок и начинается неизвестность. Сюда отправляют тех, кто не нужен в центре, – и Верховный Страж Каин, герой недавних событий, теперь всего лишь смотритель границы.

Всё меняется, когда появляется туман.

Он приходит из степи – лёгкий, почти невидимый. Те, кто попадает в него, возвращаются другими. Не ранеными, не больными – просто... чужими. Спокойными. Отрешёнными. И живыми, но будто не здесь.

Система назначает расследование. В помощь Каину присылают врача Лиру Сомову – единственного человека, которому он доверяет безоговорочно. Вдвоём им предстоит выяснить, что скрывается за этой тихой угрозой. И ответ, который они найдут, заставит задуматься: а всегда ли враг – тот, кто идёт с оружием?

Это история о другом пути развития. О мире, который пошёл не той дорогой, что Легион. И о цене, которую платят люди, когда цивилизации перестают понимать друг друга.

Содержание

Пролог. Начало иного пути.	5
Глава 1. Наблюдатель.	9
Глава 2. Туман.	14
Глава 3. Протокол 4.	19
Глава 4. Первый контакт.	24
Глава 5. Пленный.	30
Глава 6. Синдром.	36
Глава 7. Диагноз.	44
Глава 8. Рейд.	50
Глава 9. Артефакт.	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Ярослав Нестеров

Граница из тумана

Пролог. Начало иного пути.

Дата: Неизвестно. После краха.

Локация: «Глубокое место». Темнота, сырость, тиканье капель.

Он не молился. Молитвы кончились вместе с топливом для генераторов и надеждой на спасательные конвои. Он сидел перед последним работающим экраном, и свет от него выхватывал из мрака не лицо – рельеф костей, обтянутых кожей, и две глубокие ямы, где горели не глаза, а последние угли разума, не желающие принять конец.

На экране – не карты сражений. Не схемы убежищ. Диаграммы. Переплетение линий, стрелок, химических формул. Это был не план спасения города или нации. Это была карта болезни. Болезни под названием «мы».

Он слышал крики наверху. Не крики атаки – крики дележа последней крысы. Крики той самой болезни. Она была в формуле страха, в уравнении агрессии, в алгоритме паники толпы. Он десять лет изучал симптомы. И теперь держал в руках гипотезу лечения.

Лечение было хуже болезни. Оно требовало ампутации.

Не конечности, а части души. Той самой, что кричала навёрху.

Его пальцы, похожие на птичьи когти, повисли над клавиатурой. Чтобы нажать эту клавишу – нужна была не смелость. Нужно было отречение. Отречение от того, что делало его человеком. От права на ярость, на страх, на личное желание. Во имя одного: права на покой. На тишину. На конец войне всех против всех.

Он смотрел на флакон в держателе рядом с экраном. Внутри – не яд. Не вирус, а что-то большее. Семя. Семя иного порядка. Порядка не из законов и стен, а из изменённого состава крови. Порядка, который вырастет изнутри, как тихая плесень, и покроет всё, погасив крики.

«Все ошибались, – прошептал он, и шёпот был похож на скрежет камня по камню. – Легион... они строят крепость из страха. Они верят, что можно переждать бурю снаружи, сохранив бурю внутри. Глупость. Буря внутри убьёт их первой».

Удар. Тяжёлый, глухой. Второй – дерево затрещало, посыпалась щепка. Времени на сомнения нет. Времени быть человеком – тоже.

Он поднял взгляд с флакона на экран, на итоговую строку расчёта, которая мерцала зелёным:

ВЕРОЯТНОСТЬ УСТАНОВЛЕНИЯ СТАБИЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО КОНТРАКТА: 0,03%.

ВЕРОЯТНОСТЬ УСТАНОВЛЕНИЯ БИОХИМИЧЕСКОГО

КОНСЕНСУСА: 97,8%.

Консенсус. Не договор. Единство. Принудительное, абсолютное, рождающее не общество, а суперорганизм.

Последний удар. Дверь рухнула. В проёме, заливаемом красным светом аварийной лампы, встали фигуры. Это были не солдаты, это были тени с голодными глазами.

Учёный (он уже не думал о своём имени) не стал к ним поворачиваться. Он уставился на флакон. Его последняя, ясная, неомрачённая будущим «Подем» мысль была не о спасении.

«Нашим соседям, судя по слухам, предложили только один путь – путь Легиона. Путь жёстких границ и порядка. Но есть и другой путь... – его палец нажал кнопку. Раздался тихий, шипящий звук где-то в вентиляции над головой. – ... путь стирания самих границ такого понятия, как «Я». Путь, где боль одного становится болью всех. Или... просто не становится ничьей.»

Он глубоко вдохнул. Воздух уже пах иначе. Сладковато. Спокойно. Как сон. Крики за дверью оборвались. Сначала на смену им пришло недоумение. Потом – тишина. Не мёртвая. насыщенная новым, общим, умиротворённым фоном.

Учёный почувствовал, как ярость и страх – его верные спутники десятилетия – начали таять, как сахар в тёплой воде. На их месте растекалось ровное, безликое, бесконечно глубокое согласие. Согласие с миром. С собой. С концом борьбы. Его глаза закрылись. Не для смерти. Для начала.

А где-то в глубине системы, в заброшенной лаборатории, занесённой в ручные логи как «Проект „Улей-Ноль“», запись обновилась сама собой, без участия создателя:

ПРОТОКОЛ «БИОКОНСЕНСУС» АКТИВИРОВАН.

НАЧАТО ФОРМИРОВАНИЕ БАЗОВОГО ФОНА.

ЦЕЛЬ: ЗАМЕНА СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ НА ЭКОЛОГИЮ СОСТОЯНИЙ.

И мир, сам того не ведая, сделал первый вдох по новым, чуждым для Легиона, правилам.

Глава 1. Наблюдатель.

*«Восточная Директива», параграф 1:
«Наблюдать. Не приближаться. Не вступать
в контакт. Цель – сохранение статус-кво и
недопущение непредсказуемой эскалации»
Служебный мануал для командования периметром,
гриф «Омега-Тет».*

09:17. Дозорный маршрут «Дельта-4». Восточные равнины, периметр Легиона.

Степь была не землёй, а состоянием. Бескрайнее, выжженное солнцем пространство, где время текло иначе – не часами, а сменами патрулей. Каин шёл по краю условной линии, отмеченной в его навигаторе бледно-синей пунктирной чертой. «Демаркационная линия, согласованная с данными долгосрочного наблюдения», – сухо поясняла «Восточная Директива». На деле – ни забора, ни столбов, только редкие датчики «Ока», закопанные в рыжей земле.

Шесть месяцев. С тех пор как его, не осуждённого, но и не оправданного, отправили сюда. Не понижение. Оптимизация. Звучало солидно: «Верховный Страж Домена "Восточные равнины"». На деле – две заставы, дюжина патрулей и тонны отчётов о пустоте.

Он остановился, снял шлем. Ветер, сухой и колючий, обжёг лицо. Воздух пах полынью, пылью и пустотой. На запа-

де, за сотни километров, высилась Твердыня – математика, воплощённая в базальте и стали.

Пальцы сами потянулись к планшету на поясе. Он вызвал последний параграф Директивы, перечитал его в сотый раз, чувствуя, как знакомые слова въедаются в сознание. *«Не вступать в контакт».* С кем? За все месяцы ни одного признака жизни, кроме редких птиц да скорпионов. Разведдроны «Ока», летавшие сюда два десятилетия назад, зафиксировали формирование *потенциально стабильного государственного образования на востоке.* И всё. Ни армий, ни сигналов, ни посольств. Стабильная аномалия. Призрак, которого назначили сторожить.

Каин сунул планшет обратно. Его взгляд упал на левую сторону груди, где под тканью кителя лежал холодный, отполированный прямоугольник с чертой. Знак. Якорь и одновременно клеймо. Он был Стражем. Но здесь, в этой пустоте, его воля, отточенная в боях с внутренними угрозами Легиона, была не нужна. Здесь требовалось только терпение. И наблюдение.

Мысль, незваная и резкая, вонзилась в сознание: *А что, если они просто вымерли? Или ушли? И мы сторожим кладбище?*

Он отогнал её, как отгонял все лишнее. Но след остался – лёгкое, унижительное раздражение. Он был мастером по поиску трещин в системе, а его поставили смотреть на монолит безликой пустоты.

Ветер донёс едва уловимый звук – гул далёкого двигателя. Его патруль возвращался. Каин вскинул голову, глаза автоматически сканируя горизонт. Да, там, у кромки неба, маячили три точки. «Соколы», лёгкие разведывательные автомобили. Всё по графику. Ничего необычного.

Он повернулся и пошёл обратно к заставе, его тень, длинная и остроконечная, ползла по потрескавшейся земле впереди.

На мгновение – сбой в системе. Вместо серой степи всплыл образ. Кабинет. Идеальное каре холодного блонда. В тени от чёткой линии среза – призрак розовой пряжи. Лира. Слабость. Переменная, не вписанная в алгоритм. Но здесь, в этой давящей пустоте, память о той пряжи, о зелёном листке в химической чаше, стала единственным доказательством: за пределами формул есть что-то живое. Неэффективное. Бессмысленное. И поэтому – единственно ценное. Оно жгло тише нарушения Кодекса. Глубже.

Застава «Дельта» выросла перед ним – низкое, приземистое сооружение из композитных плит цвета пыли. Функциональный улей. На вышке дежурный Страж отдал ему честь. Каин кивнул, проходя внутрь. Прохладный, отфильтрованный воздух пах озоном и металлом. Гул генераторов был ровным, как пульс.

Он прошёл в свой кабинет – комнату без окон, с единственным экраном на стене, где в реальном времени отображались маршруты патрулей и показания периметральных

датчиков. Всё зелёное. Всё штатно. Скука, отлитая в цифры.

Каин сел за стол, его пальцы сами потянулись к терминалу, чтобы открыть сводку. Но он замер. Вместо этого он открыл нижний ящик, где лежали личные, не подлежащие учёту вещи. Их было две. Первая – смятый, давно высохший фильтр от дыхательного аппарата. Память об Артёме, о последней встрече в подземелье. Вторая – плоский, прозрачный куб из химически инертного полимера. Внутри, запечатанный навеки, лежал кленовый лист. Немного скрученный по краям. Упрямо зелёный.

Он не вынимал его. Просто смотрел сквозь прозрачные стенки. Это был не сувенир. Это был артефакт иной реальности, доказательство того, что за пределами формул и протоколов существует что-то хрупкое, неэффективное и начисто лишённое смысла. И поэтому – бесценное.

Резкий, двойной гудок. Терминал вырвал из оцепенения. Экран вспыхнул красным: срочный рапорт. «Дельта-4». Марк. Каин коснулся иконки. Текст побежал строками: *Верховный. Патруль вернулся. Бойцы не в норме. Вялость. Замедленная реакция. Субъективно: лёгкий туман на маршруте. Визуально – чисто. Готовлю полный отчёт. Марк.*

Каин медленно откинулся на спинку кресла. Скука мгновенно испарилась, сменившись знакомым, холодным напряжением. Его взгляд скользнул с экрана на куб с листком, потом на синюю пунктирную линию на карте.

Не вступать в контакт, – эхом отозвалось в памяти.

Но параграф 4 той же Директивы гласил: *При обнаружении неизвестной активной субстанции, пересекающей демаркационную линию, командир периметра уполномочен запросить дополнительные ресурсы для идентификации и оценки угрозы.*

Он посмотрел на дату и время в углу экрана. 09:47. С востока дул всё тот же сухой ветер. Но теперь в нём, кроме запаха полыни, висело нечто новое. Неосязаемое. Названное словом «туман».

Каин выпрямился. Его лицо, секунду назад отражавшее усталую задумчивость, снова стало маской из гранита и воли. Пальцы уже летали по терминалу, вызывая протоколы, шаблоны рапортов, списки доступных специалистов в Твердыне. Пустота закончилась.

Глава 2. Туман.

«Субъективные показания, не подтверждённые объективными данными сенсоров «Ока», не являются достаточным основанием для пересмотра протокола. Требуется дополнительная верификация».

Памятка оператора ситуационного центра.

22:41. Барраки медпункта, застава «Дельта».

Марк стоял у прозрачной перегородки и чувствовал, как у него под коленями предательски слабеют ноги. Не от страха. От усталости, которая накатила волной через час после возвращения на базу. Он смотрел на своих бойцов, лежащих на койках в чистой, ярко освещённой палате. Медик в белом халате двигался между ними, прикладывая сканеры к запястьям, шепча что-то в планшет. Его лицо было бесстрастно, профессионально.

Но лица бойцов...

Петров, обычно буйный и вечно голодный, лежал на спине, уставившись в потолок. Его глаза были открыты, но взгляд был пустым, замутнённым, будто он смотрел сквозь бетонные плиты куда-то вдаль. Зрачки медленно, лениво реагировали на движение руки медика. Фёдоров, самый молчаливый и надёжный, сидел на краю койки, склонив голову. Он не спал. Он просто сидел, и его плечи были ссутулены

под невидимой тяжестью. Сложенные на коленях руки лежали безвольно, пальцы не шевелились.

– Повторите. Что чувствовали?

Петров медленно моргнул.

– Туман... Лёгкий. Цвета потускнели.

– Запахи? Звуки?

– Нет... Тишина. Тепло. Сухо.

– Тяжело думать. Мысли... в вате. Хотелось сесть. Фёдоров поднял голову. Его лицо было серым.

Марк сжал кулаки за спиной. Они так не говорили. Никогда. Его бойцы были отлично обученным инструментом – острым, отзывчивым, чётким. А теперь они походили на разряженные батарейки, на автоматы с севшим питанием. И самое страшное – они не видели угрозы. В их голосах не было тревоги, только смутное удивление и эта проклятая, размазанная апатия.

Он сам проверил показания всех внешних сенсоров «Сокола». Температура, давление, влажность, оптический спектр – всё в пределах нормы для этого сектора и времени суток. Никакого тумана. Никаких аномальных химических агентов. Ничего.

Но биодатчики на бойцах, снятые по возвращении, показывали лёгкие, но однозначные отклонения: повышенный уровень серотонина, слегка подавленная активность симпатической нервной системы. Как будто их мозг получил мягкую, неспешную команду «успокоиться и расслабиться».

Извне.

Дверь в помещение бесшумно отъехала. В проёме возникла высокая, прямая фигура в тёмно-сером мундире. Каин. Он вошёл без звука, его взгляд, холодный и острый как скальпель, мгновенно провёл инвентаризацию ситуации: медик, койки, лица бойцов, Марк у перегородки.

Марк выпрямился по стойке «смирно», отдавая честь. Усталость отступила на секунду, сменившись привычным напряжением.

– Верховный Страж. Отчёт готов.

Каин кивнул, не глядя на него, изучая Петрова и Фёдорова. Он подошёл к перегородке, его отражение в поликарбонате наложилось на бледные лица бойцов.

– Их слова, – сказал Каин.

– Так точно, – подтвердил Марк. – Единодушны в описании «тумана» и состояния. Объективные данные с машин – ноль. Биодатчики – вот. – Он протянул свой планшет.

Каин взял его, пробежался глазами по графикам. Его лицо ничего не выражало, но Марк, служивший с ним полгода, уловил едва заметное сужение глаз. Признак предельной концентрации.

– Субъективное ощущение коллективной природы, – произнёс Каин тихо, словно про себя. – При отсутствии объективного физического носителя. Интересно.

Он вернул планшет.

– Оформите рапорт об аномалии. Категория – «неизвест-

ная активная субстанция, вероятно, химической или биологической природы». Ссылайтесь на параграф 4 «Восточной Директивы». Запросите в Твердыне экспертов – токсикологов, атмосферных физиков, врачей-профпатологов.

– Профпатологов? – не удержался Марк.

Каин наконец посмотрел на него. Взгляд был плоским, как лезвие.

– Они демонстрируют симптомы внешнего воздействия на центральную нервную систему и психоэмоциональный статус. Это сфера профпатологии. Или вы сомневаетесь в диагнозе?

Марк сглотнул. В горле стоял привкус металла. Сомневаться было некогда. Но внутри всё сжалось в холодный ком.

– Так точно. Рапорт будет готов через час.

Каин ещё раз обвёл взглядом палату, задержавшись на пустом взгляде Петрова. Потом развернулся и вышел так же бесшумно, как и появился.

Марк остался один в гуле вентиляции. Он посмотрел на своих ребят. Медик уже ушёл, оставив их под наблюдением мониторов. Петров закрыл глаза, но по его лицу ползла не спасительная дрема, а всё та же густая, тягучая апатия. Он подошёл к терминалу у стены, начал набирать рапорт. Пальцы двигались автоматически, выдавая сухие, казённые фразы: *...в период с 18:30 до 19:15 по маршруту «Дельта-4» личный состав патруля начал испытывать субъективное ощущение наличия визуальной помехи («туман»)...* сопро-

возжаемое прогрессирующей вялостью, снижением когнитивных функций...

Набирая запрос на специалистов, он на секунду замер над полем «профиль эксперта». «Врач-профпатолог». В памяти всплыло лицо из сводок по делу «Падающая звезда» – строгое, с безупречным каре. Сомова.

Он добавил запрос и отправил рапорт в чёрную бездну цифровых инстанций. Потом облокотился о холодный корпус терминала, чувствуя, как усталость снова наваливается тяжёлым покрывалом. За окном бараков была чёрная, беззвёздная степь. Там, за горизонтом, начиналась та самая «демаркационная линия». И за ней – ничего. По всем картам и директивам. Но сегодня из этого «ничего» пришёл туман. Невидимый. Неуловимый. Который не ослепляет глаза, а гасит разум.

Марк с силой протёр лицо ладонями, пытаясь стряхнуть оцепенение. Сигнал о принятии рапорта мигнул зелёным на экране. Машина среагировала. Теперь нужно было ждать, пока из недр Легиона на поверхность всплывут нужные люди, алгоритмы, решения.

А пока – он должен был следить за своими бойцами. И за тем, чтобы этот тихий, беспричинный туман не просочился сквозь стены заставы.

Глава 3. Протокол 4.

«Запрос, отправленный по форме, становится частью системы. Отменить его может только вышестоящее решение или новые, исчерпывающие данные, опровергающие изначальные основания».
Аксиома канцелярского делопроизводства Легиона.

11:40. Командный центр, застава «Дельта».

Ответ пришёл не через шесть часов, а через четыре. Система, получив рапорт с пометкой «неизвестная активная субстанция» и уровнем «Гамма», сработала быстрее, чем Каин ожидал. Возможно, сработали ключевые слова из «Восточной Директивы».

На главном экране центра, где обычно пульсировали маршруты патрулей, теперь горело короткое, безличное предписание:

**РАСПОРЯЖЕНИЕ № 447-Г/Д
НА ОСНОВАНИИ ЗАПРОСА**

1. Инцидент классифицирован как "Потенциальная угроза стабильности периметра" (Гамма).

2. Для верификации и оценки направляется экспертная группа в составе:

- Специалист-токсиколог (НИИ Химзащиты), ур. IV.
- Специалист-атмосферник (Геослужба), ур. III.
- Врач-профпатолог (Главный медцентр), ур. IV.

3. Группа прибывает на заставу "Дельта" ориентировочно через 36-48 часов.

4. Командиру заставы обеспечить встречу, размещение, безопасность и полное содействие.

ВО ИМЯ ПОРЯДКА. КАНЦЕЛЯРИЯ КОМАНДОВАНИЯ ВОСТОЧНЫМ ПЕРИМЕТРОМ

Каин стоял перед экраном, впитывая информацию. Его запрос прошёл. Но система, как всегда, действовала по своему усмотрению. Она не просто «направляла специалистов». Она классифицировала инцидент, вшивая его в свою бюрократическую ткань. Теперь у «тумана» был официальный номер дела и статус. Это было и хорошо, и опасно. Хорошо – потому что привлекались ресурсы. Опасно – потому что внимание системы было подобно лучу прожектора: оно освещало проблему, но и делало каждое движение под ним заметным. Любая ошибка, любое промедление теперь фиксировались.

Рядом стоял Марк, бледный, но собранный после нескольких часов сна. Он молча смотрел на распоряжение, его челюсть была сжата.

– Профпатолог... Сомова? – тихо спросил он.

Каин кивнул, не отрывая взгляда от текста. Фамилия не была указана, но в контексте запроса и её специализации сомнений не было. Система выбрала логичный, оптимальный вариант. Лира была самым подходящим экспертом в радиусе тысячи километров. И этот холодный расчёт где-то глу-

боко, на уровне, который он не желал признавать, вызывал у него странное, щемящее чувство. Не радость. Необходимость. Её присутствие было необходимо, как скальпель хирургу. И, как скальпель, оно несло в себе риск.

– Подготовь барак №3 под размещение группы, – отдал он приказ Марку, голос возвращался к привычной, ровной интонации. – Стандартный протокол для гражданских специалистов. Повышенная безопасность, но без явного оцепления. Не нужно их пугать. И подготовь полный пакет данных по инциденту: логи с машин, расшифровки биодатчиков, видео с камер патруля, наши рапорты. Всё.

– Так точно. А бойцы? Петров и Фёдоров?

– Они – основной материал для изучения. Обеспечь им полный покой. Медик пусть ведёт подробный журнал состояния каждый час. Всё, что они скажут, даже бред, – фиксировать.

Марк кивнул и вышел, его шаги отдавались чёткими ударами по бетонному полу. Каин остался один в гуле работающих серверов. Он вызвал на планшет карту и наметил зону, которую следовало объявить временно закрытой для обычных патрулей – сектор «Дельта-4» и прилегающие квадраты. До прибытия группы и получения выводов туда будут летать только беспилотники с расширенным набором сенсоров.

Его пальцы привычным движением потянулись к внутреннему карману, где лежал личный, незарегистрированный планшет-«болванка». Он остановил себя. Нет необходимо-

сти. Всё общение теперь будет идти по официальным каналам. Любая лишняя цифровая активность вокруг этого дела будет зафиксирована «Оком» и вызовет вопросы.

Вместо этого он подошёл к узкому окну-бойнице, которое выходило на восток. Степь лежала под низким, белесым небом, безмолвная и плоская. Там, за линией горизонта, начиналась территория, обозначенная в Директиве как «потенциально стабильная аномалия». Которая теперь перестала быть аномалией. Она проявила себя. Слабым, почти неосознаваемым выдохом.

Через тридцать шесть часов здесь, в этой бетонной коробке на краю пустоты, появится Лира Сомова. Своими точными, холодными руками врача она будет вскрывать этот непонятный симптом. И от её заключения будет зависеть, получит ли эта тихая угроза статус «Дельта» или «Омега». А значит – будут ли сюда стянуты войска, будет ли отдан приказ на превентивный удар по тому, что они, возможно, найдут.

Каин повернулся от окна. Его отражение в тёмном стекле терминала было размытым, почти призрачным. Он поймал себя на мысли, что ждёт её прибытия не только как командир, ожидающий эксперта. Он ждал её взгляда. Того самого, в котором горела ярость против системы, превращающей людей в статистику. Её взгляд сейчас был нужен ему как компас в этом мёртвом тумане неопределённости. Чтобы напомнить, что по ту сторону графиков и протоколов есть то, что они, в конечном счёте, должны защищать. Даже если они

сами уже почти забыли, как это выглядит.

Он сел за консоль и начал диктовать подробные инструкции для встречи группы. Каждое слово было сухим, техничным, лишённым намёка на личное. Протокол 4 был запущен. Машина пришла в движение. Теперь оставалось лишь следить, чтобы её шестерёнки не перемололи тех, кого они должны были защищать. И чтобы среди этих шестерёнок не затерялся хрупкий, упрямо зелёный листок человечности, который они с ней когда-то, в другом аду, попытались отстоять.

Глава 4. Первый контакт.

«Теоретически, идеальный первый контакт должен быть стерильным, контролируемым и максимально скучным. Практика же любит преподносить сюрпризы, обычно неприятные и мокрые».

Из неофициальных заметок инструктора по полевой дипломатии (материал не прошёл цензуру).

18:10. Воздушное пространство в 20 км восточнее заставы «Дельта». Аэромобиль патруля «Ястреб-2».

Марк прижался лицом к холодному стеклу визора, пытается разглядеть что-то в предвечерних сумерках. Под ними проплывала всё та же унылая, потрескавшаяся степь, напоминавшая гигантскую старую кожу. Эфир в наушниках был чист, лишь изредка потрескивая от статики. Всё по плану. Скучный, рутинный облёт «закрытого сектора» на удалении. Сбор данных для будущих учёных. Работа для галочки.

– «Ястреб-2», ведёт наблюдение, – монотонно отчеканил он в микрофон. – Объектов нет. Атмосфера чистая. Настроение – как у пробки в водопроводе «Цитадели» в час пик. Понял?

В шлемофоне хрипло рассмеялся голос наводчика, Сергея.

– Понял, понял. Ты бы своё остроумие приберёг для до-

клада. Каин оценит.

– Каину, – парировал Марк, следя за показаниями сенсоров, – нужно, чтобы я нашёл хоть что-то, кроме пыли и собственного разочарования. А я, как видишь, пока...

Он не договорил. На тепловизоре, на самом краю дальности, мелькнула слабая, размытая аномалия. Не животное – слишком большая и неподвижная. Не геологическая – структура была... правильной.

– Стоп. Есть контакт. На пеленге 085, дистанция... три километра. Слабый тепловой след. Структура неопознанная.

Все разговоры смолкли. В салоне повисла тишина, нарушаемая лишь гулом двигателей. Марк увеличил масштаб, включил оптическое усиление. На экране выплыло изображение, от которого у него похолодело в груди.

Это не было военным укреплением. Ни бункеров, ни орудий, ни колючей проволоки. Из земли, точно гигантский, неестественно правильный бутон, поднималась конструкция из чего-то, похожего на матовый хрусталь или полированную кость. Она плавно изгибалась, образуя свод, под которым виднелось пространство. Вокруг неё, на почтительном расстоянии, медленно двигались фигуры в лёгких, струящихся одеждах песочного цвета. Их движения были плавными, синхронными, лишёнными суеты. Они что-то делали с почвой, с мелкими устройствами в руках. Никакого оружия. Никакой спешки. Словно садовники, ухаживающие за экзотическим цветком посреди пустыни.

– Мать честная... – прошептал пилот. – Это что, их... форпост?

– Похоже на ретранслятор или генератор, – пробормотал Сергей, изучая данные. – ЭМИ-фон в норме. Радиация – ноль. Никакого излучения, кроме слабого инфракрасного. И тепла от самой штуковины... живое, что ли?

Марк молчал, мозг лихорадочно работал. *«Восточная Директива»: Не приближаться. Не вступать в контакт.* Но Директива была написана для призраков. А это было вполне материальное, хоть и странное, сооружение. И люди. На нашей стороне условной линии? Или линия проходила иначе?

– «Ястреб-2» центру, – его голос звучал хрипло от напряжения. – Визуальный контакт с объектом, классифицируемым как... вероятно, гражданская или научная инфраструктура неизвестного образца. Координаты передаю. Присутствует персонал, визуально безоружный. Жду инструкций.

Ответ из центра занял мучительно долгие тридцать секунд.

– «Ястреб-2», центр. Инструкция: сохранять дистанцию. Вести наблюдение. Фиксировать всё. Не проявлять агрессии. Ожидайте...

Голос прервался. Потом зазвучал снова, и это был уже голос Каина, холодный и режущий:

– Марк. Оцените возможность безопасного захвата одного-двух образцов персонала для допроса. Без применения летальной силы. Максимальная осторожность. Они должны

видеть только вашу готовность, а не вашу атаку. Время на решение – две минуты.

Марк сглотнул. Захват. На территории, которую все карты называли нейтральной и пустой. Это был прыжок в неизвестность. Но приказ есть приказ. И логика в нём была: чтобы понять «туман», нужно понять тех, кто, возможно, его создаёт.

– Понял. Отрабатываем.

Он отдал тихие, чёткие команды. «Ястреб» мягко снизился, заходя с подветренной стороны, используя редкие складки местности как прикрытие.

Люди продолжали свои плавные, ритуальные движения. Марк выбрал цель: двух человек, немного отделившихся от основной группы к кусту странных серебристых побегов.

– Группа захвата, готовность. По моей команде – быстро, тихо, сзади. Цели – живы и невредимы. Сергей, прикрываешь. Если остальные покажут хоть малейший признак агрессии... – Он не договорил. Все и так поняли.

«Ястреб» завис в пятидесяти метрах, за гребнем. Марк, Сергей и ещё один страж, Леха, бесшумно выскользнули из люка и, пригнувшись, побежали по рыжей земле. Адреналин горел во рту медью. Десять метров. Пять.

Имперцы, (как уже их окрестили на заставе) два мужчины, стояли на коленях, что-то бережно поправляя в почве. Они не обернулись на лёгкий шорох. Их полное отсутствие бдительности было почти оскорбительным.

Марк кивнул. В следующее мгновение он и Леха были сзади, их мощные руки обхватили цели, блокируя движения, ладони легли на рты, чтобы заглушить возможный крик. Имперцы не стали вырываться. Они... обмякли. Их тела стали тяжелыми и податливыми, как мешки с песком. Лишь их головы медленно повернулись, и Марк увидел их лица.

Это был самый жуткий момент. Не было ни страха, ни злобы, ни даже удивления. Их глаза были широко открыты, взгляд – чистый, пустой, как у очень уставших или глубоко спящих людей. Они смотрели на Марка, и в этом взгляде не было ничего. Ни сопротивления, ни вопроса. Полная, бездонная пассивность.

– Что за... – начал Леха, но Марк рывком головы велел молчать.

Он оглянулся. Остальные имперцы у «цветка» остановились. Они повернулись и смотрели в их сторону. Но не бежали на помощь, не кричали. Они просто... смотрели. Их позы были расслабленными. Один из них даже медленно поднял руку, не в агрессивном жесте, а скорее как бы фиксируя факт их присутствия. Как учёный фиксирует появление нового вида насекомого.

– Уносим! Быстро! – скомандовал Марк.

Они потащили своих безвольных пленных обратно к «Ястребу». Те не шли – их почти несли. Их ноги волочились по земле. Загрузка в люк. Последний взгляд на «цветок». Имперцы всё так же стояли и смотрели. Ни один не сделал

шага вперёд.

«Ястреб» с рёвом взмыл в воздух, набирая высоту и скорость. Марк, отдышавшись, посмотрел на свои «трофеи». Они сидели на полу грузового отсека, прислонившись к стенке. Их глаза были по-прежнему открыты, дыхание ровное. Один из них медленно перевёл взгляд на Марка. И... улыбнулся. Тихой, беззубой, совершенно бессмысленной улыбкой блаженного идиота.

– Центр, «Ястреб-2», – доложил Марк, и в его голосе впервые за долгое время прозвучала не усталость, а леденящая тревога. – Захват произведён. Две единицы. Они... они не сопротивлялись. Вообще. Состояние – неадекватное. Доставка на базу. И, центр...

– Говори.

– Я не думаю, что они вообще поняли, что их захватили. Слово мы забрали два... растения.

Глава 5. Пленный.

«Пациент – не поле битвы для амбиций врача. Это территория, на которой ведётся совместная, тихая война против болезни. Или, в некоторых случаях, против реальности».

Из записок Леры Сомовой, не включённых в официальные отчёты.

22:15. Изолированный бокс медпункта, застава «Дельта».

Воздух в боксе пах стерильностью, за которой прятался сладковатый, чуждый запах – не лекарств, не пота, а чего-то растительного, пыльного, как засохшие травы в гербарии. Лира Сомова игнорировала запах, как игнорировала всё, что могло помешать концентрации. Её мир сузился до пространства между стерильным столом, где лежал первый пленный, и многочисленными экранами биометрических мониторов.

Она прибыла тремя часами ранее вместе с двумя другими специалистами – тощим, вечно моргающим токсикологом по фамилии Дымов и угрюмым атмосферщиком Кротовым, который первым делом попросил «образец местного воздуха, но только не тот, что в лёгких у этих зомби». Группу встретил Каин – сухо, по-деловому, без намёка на личное. Его взгляд скользнул по её лицу, задержался на ровной линии каре, и в нём мелькнуло что-то, что она не смогла

расшифровать. Не признание. Не тепло. Возможно, просто оценка ресурса. «Врач Сомова, вам бокс №1. Ваши пациенты». И всё.

Теперь пациент лежал перед ней. Мужчина лет тридцати, в лёгкой одежде из грубого полотна. Он был чист, его раны (несколько ссадин от грубого захвата) обработаны. Он не спал. Его глаза были открыты и смотрели в потолок с тем же пустым, безмятежным выражением, что описывал Марк. Он дышал ровно. И всё.

– Ну что, коллега, – раздался голос за спиной. Дымов, токсиколог, пристроился сбоку с портативным спектрометром. – Готов поспорить на мой месячный паёк с двойной порцией сыра, что это классический случай массового отравления алкалоидами неизвестного растения. Видете расслабление мускулатуры, мидриаз... – Он тыкнул пальцем в направлении широких зрачков пленного.

– Мидриаз есть, – согласилась Лира, не отрываясь от показаний энцефалографа. – Но реакция на свет сохранена. И посмотрите на ЭЭГ.

Дымов склонился над экраном. Его брови поползли вверх. Вместо привычных ритмов – бета, альфа, тета – на ленте пульсировала странная, почти монотонная синусоида с редкими, глубокими всплесками в дельта-диапазоне. Картина была не похожа ни на сон, ни на бодрствование, ни на интоксикацию. Это было... состояние.

– Что за чёрт? Это же...

– Это похоже на состояние глубокого медитативного транса или искусственно индуцированного покоя, – закончила за него Лира. – Но без признаков наркоза. Дыхательный центр не угнетён. Сердечный ритм стабилен, чуть замедлен. Температура в норме.

Она взяла тонкий, яркий фонарик и провела лучом перед глазами пленного. Зрачки резко сузились, потом так же плавно расширились. Но взгляд не сфокусировался на источнике света. Он просто зафиксировал изменение, как фотоэлемент.

– Субъект, – сказала Лира громко и чётко. – Вы меня слышите?

Никакой реакции. Ни моргания, ни поворота головы.

– Может, на их языке надо? – ехидно пробурчал Кротов из угла, где он копался в пробирках с образцами воздуха. – Спойте ему что-нибудь на китайском. Или помедитируйте. Для симметрии.

Лира проигнорировала его. Она приложила холодный диск стетоскопа к груди пленного. Сердце билось ровно, как метроном. Шумы в лёгких чистые. Она взяла его руку, чтобы проверить мышечный тонус. Рука была тяжёлой, но не вялой. Мышцы были расслаблены, но сохраняли упругость. Она попыталась согнуть её в локте. Соппротивление было минимальным, но оно было. Не как у мешка с костями. Как у... спящего.

И тут её пальцы нащупали нечто на внутренней стороне

запаястья. Не шрам. Что-то вроде... вдавленного узора, почти слившегося с кожей. Она придвинула лампу ближе.

Это был не татуировка. Кожа была чуть иной текстуры, будто её аккуратно перестроили на микроуровне. Узор напоминал схему проводков или корней дерева. Он был едва заметен, но не случаен.

– Дымов, посмотрите.

Токсиколог пристроился рядом, вооружившись лупой.

– Биологический шрам? Или... вживлённая структура? – он присвистнул. – Коллега, а не наткнулись ли мы здесь на садоводов, которые удобряют не только грядки, но и себя любимых?

Лира не ответила. Её охватывало знакомое, леденящее чувство. То самое, что она испытывала, читая журнал Элиаса о «Фениксе». Чувство столкновения с чужой, бесчеловечной логикой, переделывающей плоть и сознание под свои нужды. Только там это было преступлением внутри системы. Здесь это, судя по всему, было нормой снаружи.

Она взяла сканер для поверхностной биометрии и провела им над узором. На экране замигали данные: изменённая плотность тканей, микроскопические инородные включения неизвестного состава, слабое, собственное электромагнитное поле.

– Это не шрам, – тихо сказала она. – Это интерфейс. Или... метка. Часть системы.

Дверь в бокс отъехала. В проёме возник Каин. Он не во-

шёл, остался на пороге, его фигура отбрасывала длинную тень.

– Ваш предварительный вывод, доктор? – его голос был ровным, но в нём слышалось напряжение стальной струны.

– Это не отравление, не болезнь и не психоз, – отчеканила Лира, отрываясь от сканера. – Это стабильное, искусственно поддерживаемое состояние. Его биохимия мозга говорит о максимальном уровне нейротрансмиттеров, связанных с удовлетворением и покоем, при полном подавлении центров, отвечающих за страх, агрессию, волю. Он не в коме. Он... в раю. Химическом, с обратной связью через вот это. – Она указала на узор.

Каин медленно вошёл, его взгляд скользнул по безмятежному лицу пленного, потом по экранам.

– Можно его вывести из этого состояния?

– Не знаю, – честно ответила Лира. – Мы не знаем, как оно поддерживается. Если это внешний сигнал, как у «Феникса»... то без него организм может не справиться. Может произойти коллапс. Как у алкоголика при резкой отмене, только в сто раз хуже.

– Освобождение равно убийству? – голос Каина стал тише.

– Да. Это не враг. Это пациент на пожизненной терапии. Мы выдернули штепсель, не зная, куда он включен.

В боксе воцарилась тяжёлая тишина, нарушаемая лишь тихим писком аппаратов. Даже саркастичный Кротов замол-

чал.

– Сколько у нас времени? – спросил Каин.

– Часы, может быть, сутки. Его организм пока живёт на старых «батареях». Но когда они сядут... – Она не стала продолжать.

Каин кивнул, развернулся и вышел. На пороге он обернулся:

– Доктор Сомова. Найдите способ. Любой. Пока не стало слишком поздно для всех нас.

Дверь закрылась. Лира снова осталась наедине с пленным, с его тихим, химическим счастьем и с нависшей над ним тенью мучительной ломки. Она положила руку на его лоб. Кожа была тёплой, живой. Но человек внутри, тот, кто мог бы бояться, радоваться, злиться, был уже далеко. Возможно, уже навсегда.

Прости. – Мысль повисла в воздухе. Кому? Ему? Его утраченному «Я»? Или себе? – *Тебе придется пройти через ад. Чтобы мы поняли устройство твоего рая. И смогли защитить от него свой.* Она взяла шприц для забора спинно-мозговой жидкости. Это было рискованно, но нужно было понять состав «рая» на химическом уровне. Её рука не дрогнула. Врач в ней боролся с исследователем, а исследователь – с солдатом в этой странной, беззвучной войне.

Глава 6. Синдром.

«Клиническая смерть мозга – это тихий, недраматичный конец. Гораздо страшнее наблюдать смерть личности. Она кричит без звука, бьётся без движения и уходит, оставляя после себя идеально функционирующее тело.

Из учебника по неврологии для врачей-профпатологов (пометка цензора: «Излишне эмоционально»).

04:30. Изолированный бокс медпункта, заставка «Дельта».

Лира забыла, когда последний раз спала. Она машинально провела языком по нёбу, чувствуя горький привкус старого стимулятора из аптечки. Десять часов стабильности. Кофе в стакане давно остыл, покрылся маслянистой плёнкой. Время спрессовалось в череду анализов, проклятий на непонятные химические формулы и леденящее молчание пациента. Он лежал, её иглы брали у него кровь, ликвор, образцы тканей, а он смотрел в потолок. Его биохимический «рай» держался дольше, чем она ожидала. Десять часов стабильности. Она почти начала надеяться, что ошиблась. Почти.

Первый признак появился в 03:17. На энцефалографе монотонная синусоида дрогнула. Один резкий, хаотичный всплеск в коре, как искра на сырой траве. Лира замерла, уставившись на экран. Потом ещё один. И ещё. Они были похо-

жи на первые, робкие попытки запуска заглохшего двигателя. Нейроны, десятилетиями (месяцами? годами?) получавшие одну команду – «успокоиться» – вдруг вспоминали, что у них есть и другие программы.

– Дымов, смотрите, – позвала она, но голос звучал хрипло от усталости.

Токсиколог, дремавший в углу на стуле, вздрогнул и подскочил. Он посмотрел на экран, и его сонное лицо исказила гримаса профессионального интереса, смешанного с ужасом.

– Начинается. ЦНС пытается перезагрузиться без... без управляющего сигнала. Или того коктейля, что был в его крови.

В 03:45 пациент впервые пошевелился. Не резко. Его указательный палец правой руки дёрнулся, будто от удара слабым током. Потом ещё раз. Потом вся кисть начала мелко, часто дрожать. На лице ничего не изменилось. Пустой взгляд, расслабленные мышцы. Только рука жила своей отдельной, судорожной жизнью.

– Мышечные фасцикуляции, – констатировала Лира, её пальцы уже летали по терминалу, вводя данные в журнал. – Потеря тонуса сменяется гипертонусом. Классический признак отказа тормозных систем.

В 04:00 дрожь охватила всё тело. Теперь он лежал, мелко вибрируя, как автомобиль с неотрегулированными клапанами. Его глаза закатились, показав белки. Из полуоткрытого

рта вырвался звук – не крик, а протяжный, низкий стон, как у далёкого животного. Он длился десять секунд и оборвался. Тело резко выгнулось в неестественной, болезненной дуге.

– Судороги! – крикнул Дымов, бросаясь к шкафу с медикаментами. – Нужны бензодиазепины, противосудорожные!

– Нет! – рванула его за рукав Лира. Её голос прозвучал резко, почти истерично. – Мы не знаем, как они прореагируют с тем, что уже у него в системе! Можем убить!

– Так мы и так его убьём, если он себе позвоночник сломаёт!

Лира металась между инстинктом врача, требующим действовать, и холодным расчётом исследователя. Каждый её шаг сейчас был прыжком в тёмную воду. Она схватила шприц с мягким миорелаксантом короткого действия – риск, но меньший. Подбежала к столу. Тело пленного било в конвульсиях, его голова стучала о жёсткую поверхность. Она едва удержала его, вонзила иглу в бедро, ввела препарат.

Эффект наступил через минуту. Тело постепенно обмякло, судороги стихли, сменившись глубокой, почти трупной расслабленностью. Но это была не прежняя безмятежность. Это была истощённая пустота после бури. На экране ЭЭГ бушевал хаос: острые пики, провалы, всплески активности во всех диапазонах сразу. Мозг, лишённый внешнего дирижёра, пытался дирижировать всем оркестром разом и терпел крах.

И тогда пришло самое страшное.

Пациент открыл глаза. Они были налиты кровью, зрачки

плавали, не фокусируясь. Он повернул голову – медленно, с трудом, будто шея была из чугуна. Его взгляд нашёл Лиру. И в этих глазах, секунду назад пустых, вспыхнуло осознание. Дикое, животное, нефильТРованное.

Он заговорил. Не на русском. Гортанные, хриплые звуки, обрывки слов на незнакомом языке, который, казалось, состоял из одних гласных и шипящих. Потом в поток ворвались слоги, отдалённо напоминающие русские, но искажённые до неузнаваемости, будто их вспоминали во сне. «Свет... тихо... больно... где я?... мама?...»

– Он... он приходит в себя? – прошептал Дымов, заворожённый.

– Нет, – сдавленно ответила Лира, и в её голосе звучала безнадёжность. – Он проваливается. Всё, что было подавлено годами... все страхи, боль, воспоминания, вопросы... всё это обрушилось на него разом. Его сознание не «просыпается». Оно тонет.

Пленный внезапно захохотал. Высокий, истеричный, раздирающий душу хохот, который тут же перешёл в рыдания. Он бил кулаками по столу, но без силы, как ребёнок. Потом смех и плач сменились немой паникой. Он уставился на свои руки, будто видел их впервые, потом на Лиру, и в его взгляде читался чистый, необработанный ужас. Он что-то кричал, тыча пальцем в потолок, в стены, в невидимые враги.

– Открытый психоз, – монотонно проговорил Дымов, отступая на шаг. – Кататония сменилась психомоторным воз-

буждением. Шизофрениформный синдром. Коллега, я, кажется, проиграл пари про алкалоиды. Это похоже на что-то посерьёзнее.

Лира не слышала его. Она видела, как на мониторе с показателями жизненных функций кривая артериального давления поползла вниз, а пульс стал частым и нитевидным. Его организм, идеально отлаженная машина для покоя, не выдерживал шторма собственных эмоций. Сердечно-сосудистая система давала сбой.

Она бросилась к нему, пытаясь зафиксировать голову, чтобы он не травмировал себя. Его пальцы вцепились в её халат, судорожно сжали ткань. Он притянул её лицо к своему, и его дыхание, прерывистое и горячее, обожгло её щёку. Он что-то бормотал, умолял, проклинал – на своём тарабарском, но интонации были универсальны: боль, страх, мольба о помощи.

– Успокойтесь! Дышите! – кричала она ему, понимая бесполезность слов.

Но он не слышал. Его глаза закатились снова. Рывок, ещё один. И вдруг – полная, абсолютная тишина. Тело обмякло окончательно. Пальцы разжали халат. Голова беспомощно откинулась на бок. На мониторах пульс превратился в ровную линию. Давление упало до нуля. Хаос на ЭЭГ сменился полной, безжизненной плоской линией. Монитор издал не пронзительный вой, а короткий, вежливый цифровой щелчок, сообщая об окончании процесса. *Субъект недоступен.*

Тишина стала абсолютной. Даже гулявшая где-то на заднем плане саркастичная мысль Кротова о «плохом воздухе» замерла.

Лира отшатнулась от стола. Её руки были в ссадинах от его хватки, на белом халате краснели пятна – не крови, а чего-то вроде растительного сока с его одежды. Она смотрела на это тело, которое минуту назад билось в истерике, а теперь было просто мёртвой биомассой. Врач в ней констатировал факт: асистолия. Остановка сердца на фоне нейрогенного шока. Смерть.

Но женщина в ней видела другое. Она видела, как умирает не человек, а цивилизация в миниатюре. Как система, созданная для идеального покоя, при отключении от неё убивает своего носителя самой жизнью, которую она так тщательно подавляла. Её пальцы всё ещё помнили судорожную силу его хватки. Костяшки ныли. Она медленно разжала ладони, но ощущение чужой агонии осталось в коже, въелось глубже, чем можно было смыть дезинфектором.

Дверь отъехала. В проёме, залитый светом коридора, стоял Каин. Он видел экраны с прямыми линиями. Видел её лицо, залитое потом и безысходностью. Видел тело.

Его вопрос прозвучал не как упрёк, а как констатация страшного вывода, к которому они оба пришли:

– Значит, война с ними невозможна.

Лира кивнула, не в силах вымолвить слово. Слез не было. Был только холодный, тяжёлый камень понимания на дне

души.

– Не война, – прошептала она наконец. – Освобождение. Освобождение равно убийству. Их «Поле» – не оружие. Это система жизнеобеспечения. А они... – она кивнула на тело, – ...симбиоты. Вырвать их на наш воздух – всё равно что вырвать лёгкие.

Каин молчал несколько секунд, его взгляд был прикован к мёртвому лицу пленного, на котором застыла гримаса последнего, невысказанного ужаса.

– Второй пленный, – сказал он наконец. – Мы должны попытаться. Но теперь мы знаем, что его ждёт.

– Мы знаем, – согласилась Лира, снимая окровавленные перчатки. Её движения были медленными, механическими. – И это знание хуже, чем незнание. Потому что теперь выбор не между «атаковать» и «не атаковать». Теперь выбор между «оставить их в рабстве» и «убить, пытаясь освободить». Какой из этих вариантов, скажите, соответствует Догмату Первому о неприкосновенности жизни и достоинства?

Она посмотрела на Каина, и в её глазах горел тот же синий огонь ярости учёного, который он видел когда-то. Но теперь это была ярость от бессилия. От понимания, что лучшие инструменты, данные ей системой, были бесполезны против этой тихой, химической тирании.

Каин не ответил. Он развернулся и вышел, оставив её наедине со смертью, с данными на экранах и с вопросом, на который не было правильного ответа. Война ещё не началась,

а первая жертва уже была на их совести. И эта жертва пала не от пули, а от их попытки дать ей свободу.

Глава 7. Диагноз.

«Разница между ядом и лекарством – лишь в дозе и контексте. Разница между спасением и убийством – часто лишь в точке зрения. Врач должен помнить об этом, даже когда система требует чёрно-белых ответов».

Из лекций по медицинской этике для продвинутых курсов (материал вызывал споры).

04:10. Лабораторный модуль, развёрнутый в ангаре заставы «Дельта».

Воздух в модуле гудел... Но за этим гудением скрывалось иное давление – давление невысказанного приговора. Экраны мерцали, отбрасывая на лица ученых мертвенно-зеленые блики, делаая их похожими на тех самых "спящих", которых они изучали. Запах стерильности перебивал всё, даже сладковатый шлейф от пленных, лежавших за стенкой в боксах. Лира Сомова стояла перед сводным экраном, на котором сплетались графики, формулы и цветные карты активности мозга. Её глаза горели холодным, усталым огнём человека, который три часа назад пересёк черту, за которой кончается ужас и начинается чистая, безличная ярость исследователя, столкнувшегося с совершенным абсурдом.

Рядом ёжился Дымов, токсиколог. Он держал в руках распечатку хроматограммы. Пальцы у него заметно дрожали, но

он продолжал переключать распечатки, выстраивая их в идеальный ровный ряд. Попытка навести порядок в бумагах, когда мир вокруг терял всякую логику

– Коллега, это... это нонсенс. Полный. Я трижды перепроверил. В ликворе, в плазме, даже в поте – коктейль из нейромодуляторов, который не должен существовать в природе в такой композиции. Окситоцин зашкаливает так, будто его впрыснули тонну. Серотониновые рецепторы, судя по косвенным признакам, перманентно активированы. ГАМК-ергическая передача усилена до состояния, при котором любая внешняя стимуляция должна блокироваться на корковом уровне. А миндалевидное тело... – Он тыкнул в цветное МРТ-изображение мозга на экране, где одна область была подкрашена тёмно-синим, почти чёрным. – Оно не просто подавлено. Оно... молчит. Как будто его отключили рубильником. Никакой реакции на потенциальную угрозу, на новизну, на боль в конце концов!

– А префронтальная кора? – спросила Лира, её голос был хриплым от напряжения.

– Активность минимальна, паттерны упрощены до примитивных цепочек «стимул-базовая реакция». Сложное мышление, планирование, волевой акт – физически невозможны в таком состоянии. Это... – Дымов замялся, подбирая слово. – Это состояние идеального, безмятежного растительного существования. С сознанием, но без личности. С восприятием, но без оценки.

– Скажите проще, доктор, – раздался голос с порога. Каин вошёл в модуль, его китель был расстёгнут, на лице – печать бессонной ночи. – На человеческом языке.

Лира обернулась к нему. Она не стала смягчать.

– На человеческом языке, Верховный Страж, мы имеем дело с технологией тотального биохимического и нейрофизиологического контроля. «Поле Согласия» – не оружие в привычном смысле. Это среда обитания. Прямой аналог воздуха для нас. Они – не солдаты и не колонисты. Они – симбиоты. Их тела и сознание модифицированы для жизни в этой среде. А «Столпы», которые они строят, – не вышки, а, грубо говоря, лёгкие их экосистемы. Генераторы этой среды.

Она подошла к главному экрану и вывела схему.

– Вот как это работает, насколько я могу реконструировать. «Поле» – это аэрозоль, содержащий синтетические аналоги наших собственных нейромедиаторов, а также, возможно, феромоны и прионы для межличностной синхронизации. Он воздействует через кожу, лёгкие, слизистые. У рядовых имперцев, судя по нашему «образцу», есть вживлённые биосенсоры-рецепторы, – она указала на увеличенное фото узора на запястье, – которые, видимо, регулируют дозировку и обратную связь. Их организм атрофировал собственные механизмы регуляции этих систем. Они не хотят в нашем понимании. Они существуют в состоянии запрограммированного гомеостаза счастья и покоя.

Каин слушал, не двигаясь. Его лицо было каменным.

– Слабое место? Уязвимость?

– Уязвимость, – Лира горько усмехнулась, – в том, что стоит вынуть рыбу из воды. Посмотрите. – Она переключила экран на график жизненных показателей первого пленного за последние шесть часов. Ровная линия начала давать мелкую, но растущую «пилу». Сердцебиение участилось на пять ударов. Температура скакнула на три десятых градуса. – Он начал чувствовать. Его организм, лишённый внешней подпитки «коктейлем покоя», пытается запустить собственные, атрофированные системы выработки нейромедиаторов. Идёт биохимический разброд. Через несколько часов, когда запасы введённых извне веществ окончательно истощатся, начнётся настоящая буря. Синдром отмены, помноженный на сто. Его мозг, десятилетиями не знавший страха, тревоги, злости, будет атакован всеми этими эмоциями одновременно, без каких-либо механизмов сдерживания. Это будет... экзистенциальный коллапс.

– Исход? – спросил Каин одним словом.

Лира посмотрела ему прямо в глаза.

– С высокой вероятностью – катастрофический нервный срыв, автоагрессия, психоз или смерть от остановки дыхания/сердца на пике выброса катехоламинов. Мы не можем его «вылечить». Мы можем только попытаться управлять этим коллапсом, вводя седативы и пытаясь стабилизировать биохимию. Но чтобы дать ему шанс выжить как личности... ему нужно вернуться в «Поле». Или найти способ медлен-

ной, контролируемой реадaptации, на которую у нас нет ни времени, ни знаний.

В модуле повисло молчание. Даже Дымов перестал шуршать бумагами. Осознание было чудовищным: они не захватили пленных. Они приговорили их к мучительной, внутренней казни. И любая попытка «освободить» других обрекала бы их на ту же участь.

Каин медленно подошёл к экрану, изучая цветную карту бездействующей миндалины.

– Значит, военная операция против их инфраструктуры...

– ...будет равносильна отключению аппаратов искусственной вентиляции лёгких в больнице, полной пациентов, – закончила за него Лира. – Только эти пациенты не прикованы к койкам. Они просто ходят, работают, живут. И умрут в агонии, если их «воздух» исчезнет. Это не война. Это... гуманитарная катастрофа, которую мы спровоцируем.

Она увидела, как напряглись мышцы на его скулах. Он понял. Понял весь масштаб тупика.

– Ваши рекомендации как врача? – спросил он, и в его голосе впервые за всю их знакомство прозвучала не команда, а запрос.

– Немедленно изолировать всех, кто мог подвергнуться даже слабому воздействию «Поля», и наблюдать. Готовить палаты интенсивной терапии, нейролептики, кардиостимуляторы. Не приближаться к «Столпам» и не провоцировать имперцев – мы не знаем, как они отреагируют на угрозу сво-

ей экосистеме. И главное... – она сделала паузу, – ...осознать, что мы не можем победить их, не став при этом монстрами. Наше оружие против них – это яд. Их оружие против нас... – она махнула рукой в сторону боксов, – ...их собственное счастливое существование, которое мы физически не можем вынести, а они – лишиться.

Каин кивнул, резко, один раз. Потом развернулся и вышел, не сказав ни слова. Ему нужно было думать. Принимать решения, для которых не было алгоритмов.

Лира осталась одна перед мерцающими экранами, на которых пульсировали графики надвигающейся агонии. Она подошла к холодильнику, взяла ампулу мощного транквилизатора. «Лекарство от рая», – с горьким сарказмом подумала она. Потому что их единственный шанс спасти этих людей заключался в том, чтобы погрузить их в искусственную, химическую кому, пока их собственный мозг не разорвался от приступа внезапно обрётённой, чудовищной свободы чувствовать.

Она направилась к боксу, где лежал первый пленный. Ему, возможно, уже снились кошмары. Первые в его жизни. И она должна была стать тем, кто эти кошмары на время остановит. Не во имя победы. Во имя отсрочки приговора, который они сами ему вынесли, ничего о нём не зная.

Глава 8. Рейд.

«Беспилотные средства наблюдения хороши для сбора данных, но абсолютно бесполезны для сбора интуиции. Иногда нужно понохать воздух лично. Желательно, не тот, что вызывает стойкие галлюцинации».

Из неформальных указаний Каина подчинённым.

04:30. Предраассветная мгла, посадочная площадка заставы «Дельта».

Воздух был холодным и острым, пахнувшим пылью, машинным маслом и чем-то ещё – едва уловимым, сладковатым отголоском того, что в отчётах теперь официально именовалось «Субстанцией «Гамма»». Марк затянул стропы разгрузочного жилета, проверяя защёлки автоматически. Рядом его группа – пять человек, включая Сергея и Леху – совершала те же ритуалы: последняя проверка оружия (нелетальные импульсные излучатели и сети), датчиков на броне, герметичности шлемов с системой фильтрации «Лепесток-7».

Каин стоял в стороне, неподвижный, как одна из стальных опор ангара. Он наблюдал, не вмешиваясь. Его присутствие было тихим, но ощутимым, как атмосферное давление перед грозой.

– Итак, ещё раз, как для особо одарённых, – голос Марка в общем канале связи был спокоен, но в нём вибрирова-

ла сталь. – Цель: сектор «Дельта-4», район предполагаемого воздействия. Задача: не пленники. Не геройство. Мы – дорогие, живые и очень нервные щупы. Берём пробы воздуха в пяти точках по сетке, образцы почвы, растительности, и, если повезёт и они не разбегутся, – биоматериал с той штуковины-цветка. Видите кого-то? Не стрелять. Не пугать. Фиксируем и уходим. Если почувствуете «тепло и туман» в голове – немедленный отход по протоколу «Омега», впрыск неотропного антагониста из аптечки и доклад. Вопросы?

– Есть, – хрипло произнёс Леха. – А если они, эти садовники, всё-таки обидятся и побегут на нас с садовыми ножницами?

– Тогда, Леха, – ответил Марк без тени улыбки, – ты имеешь полное право вспомнить, что ты Страж Легиона, а не агроном, и нейтрализовать угрозу. Но только в крайнем случае. Понял? Наша задача – не сеять панику, а собирать урожай данных. И да пребудет с вами здравый смысл, ибо командование явно на него сегодня не рассчитывало, отправив нас в это весёлое путешествие.

Лёгкий, нервный смешок пробежал по каналу. Каин, слышавший всё, не проронил ни слова. Тактика была верна: снять напряжение шуткой, но держать в тонусе.

– Садимся. Пора. «Тишина» на эфир.

Лёгкий аэромобиль «Коршун» с глушителями звука мягко опустился на площадку. Группа быстро погрузилась в тесный, лишённый иллюминаторов салон. Марк последним

кивнул Кайну. Тот в ответ едва заметно наклонил голову – знак одобрения и, одновременно, приказа возвращаться целыми.

Люк закрылся. «Коршун», почти беззвучно урча, оторвался от земли и растворился в серой предрассветной мгле, взяв курс на восток.

05:17. Сектор «Дельта-4», 2 км восточнее демаркационной линии.

«Коршун» завис в полукилометре от цели, за грядой низких холмов. Марк сбросил данные с внешних сенсоров на планшет. Картинка была чистой. Никакого «тумана» в оптическом, ИК или УФ-диапазоне. Но мультиспектральный анализ показывал едва уловимую аномалию в составе воздуха – следовые количества неизвестных органических соединений, сложные эфиры с длинными цепями, напоминающие... феромоны или продукты метаболизма какой-то гигантской биосистемы.

– Ничего не видно, – прошептал Сергей, глядя в перископ. – Цветок на месте. Вокруг ни души. Как будто все ушли на обед. Или на коллективную медитацию.

– Тем лучше, – отозвался Марк. – Группа А – со мной на забор проб у объекта. Группа Б – Сергей, Леха, делаете периметр и берёте фоновые пробы в ста метрах. Двигаемся быстро и тихо. «Лепестки» на максимальную фильтрацию.

Они выскользнули из машины. Утро было холодным и безветренным. Тишина стояла абсолютная, неестественная –

ни стрекота насекомых, ни криков птиц. Словно сама жизнь обходила это место стороной.

Воздух за бортом казался густым, как сироп. Даже сквозь тройной слой фильтрации «Лепестка» Марк чувствовал странный привкус на языке – словно лизнул батарейку «Крона». Фантомный сигнал. Мозг пытался считать то, чего нет в воздухе, но что висело в пространстве.

Марк с двумя бойцами быстрым, пригнутом шагом приблизился к «цветку». Вблизи сооружение поражало ещё больше. Это не было строением в человеческом понимании. Оно росло. Стволы-опоры были похожи на сплетённые стволы бамбука, но из материала, напоминавшего перламутр. Свод был образован тончайшими, полупрозрачными мембранами, которые на рассвете отливали бледно-розовым. От всей конструкции исходил лёгкий, тёплый воздух и тот самый сладковатый запах. И тихое, едва слышное гудение, на грани инфразвука.

– Боже... – один из бойцов, юный страж по кличке «Цыган», замер, уставившись. – Это же... живое.

– И не только, – Марк ткнул пальцем в основание. Там, где «стволы» уходили в землю, почва была темнее, влажнее, и из неё тянулись тонкие, волокнистые корни-проводники, расходящиеся в стороны. Система орошения? Или... нейронная сеть? – Работаем. Цыган, бери пробы с поверхности, осторожно, скальпелем. Яков – пробы воздуха в непосредственной близости в три разных точки.

Он сам присел на корточки, чтобы взять образец почвы у корней. Его датчики на запястье замигали тревожно: радиационный фон – ноль, но биохимическая активность почвы зашкаливала. Мириады микроорганизмов неизвестного типа. Симбиотическая экосистема.

Внезапно в наушнике раздалось прерывистое дыхание Сергея.

– Марк... У нас тут... гости.

Марк замер.

– Сколько? Где?

– Один. Мужчина. Лет шестнадцать, не больше. Стоит в двухстах метрах к северу, у скального выхода. Смотрит прямо на нас. Оружия... не видно. Одежда... странная. Какая-то помесь нашей куртки и ихних тряпок.

Подросток. Не садовник в трансе. Наблюдатель.

– Не двигайтесь с места. Фиксируйте. Я иду.

Марк жестом приказал своим продолжать работу, а сам, отстегнув массивный излучатель, пополз в сторону Сергея. Через пару минут он присоединился к группе, залёгшей за крупным валуном.

Подросток и правда стоял неподвижно, прислонившись к камню. Его одежда была гибридной: поношенная, но прочная куртка поверх лёгких полотняных штанов. На ногах – грубые ботинки, сшитые, кажется, из кожи какого-то местного животного. Но самое главное – его лицо. Оно не было безмятежным. Оно было... острым. Настороженным. Глаза,

тёмные и быстрые, внимательно изучали «Коршуна», затем скользнули к тому месту, где работала группа у «цветка». В них не было ни страха, ни агрессии. Был интерес. И глубокая, животная усталость.

Тепловизор показал ровный, спокойный контур. Никакого перегрева от страха, никакого холодного шока транс. Пульс, судя по микро-движениям грудной клетки, был в норме. Для прибора этот парень был таким же "шумным" и хаотичным, как любой легионер. Аномалия в мире аномалий.

– Он не под «Подем», – прошептал Марк. – Смотрите на глаза. Он в себе.

– Может, дезертир? – предположил Леха.

– Или разведчик. Или... – Марк не закончил. Мысль висела в воздухе: «Или то, что мы ищем. Ключ».

Он принял решение за долю секунды. Пленный-садовник был бесполезен. Этот... этот мог что-то знать.

– Берем его. Тихо. Сергей, Леха – заходите слева и справа по ложбине. Я – прямо. Сети и стробоскопы. Оглушить, связать, в машину. Живым.

Группа, как хорошо смазанный механизм, пришла в движение. Сергей и Леха бесшумно исчезли за камнями. Марк медленно поднялся и сделал шаг из-за укрытия, держа руки на виду, без оружия. Подросток увидел его. Их взгляды встретились через двести метров степи. На лице подростка не было паники. Было... понимание. Он кивнул, один раз, резко, словно оценивая ситуацию. Потом он оглянулся на

«цветок», потом на небо, где начинало светать. И... он не побежал. Он просто стоял.

Он ждёт, – пронеслось в голове у Марка.

В этот момент с двух сторон, словно тени, выросли Сергей и Леха. Сеть из полимерных волокон накрыла подростка, стробоскопы на браслетах Стражей мигнули ослепительной серией вспышек, дезориентируя. Подросток ахнул, пошатнулся, но не упал. Он зажмурился, инстинктивно подняв руки к лицу. Этого было достаточно. Леха влетел в него сбоку, повалив на землю, быстрыми движениями обездвиживая конечности пластиковыми стяжками.

Всё заняло меньше десяти секунд. Тишина снова воцарилась, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием Стражей и тихим, прерывистым всхлипом их пленника. Он не кричал. Он просто лежал, зажмурившись, и дрожал.

Марк подошёл, присел рядом. Подросток открыл глаза. В них не было слепой покорности садовников. В них был страх. Чистый, человеческий, нехимический страх. И что-то ещё... надежда? Отчаяние? Сложно было сказать.

– Всё, парень, экскурсия окончена, – тихо сказал Марк. – Поедешь с нами. Надеюсь, ты понимаешь хоть что-то.

Он жестом приказал поднимать пленного и нести к «Коршуну». Операция была завершена. Они получили не просто образцы. Они получили артефакт. Живой, дышащий, и явно не вписывающийся в картину мира «садовников». Марк посмотрел на восток, где начинала разгораться заря. Первые

лучи солнца упали на перламутровый свод «цветка», и тот засветился изнутри, как огромный, неземной фонарь.

Они уезжали, оставляя за собой эту красоту и тишину. Но теперь у них был ключ. Или мина. Или и то, и другое сразу.

Глава 9. Артефакт.

«Диагноз не ставится на основании одной аномалии. Но иногда одна аномалия оказывается настолько чудовищной, что перечёркивает все остальные данные, превращая пациента из больного в свидетельство»

Из лекций по дифференциальной диагностике, курс для врачей четвёртого уровня

10:20. Лабораторный модуль временного развёртывания, застава «Дельта».

Его привезли вместе с группой специалистов, и теперь он стоял в ангаре заставы, сверкая новыми, нетронутыми панелями оборудования. Свет в модуле был слишком ярким, стерильно-белым, отбрасывающим резкие, чёрные тени от каждого выступа. Гул систем охлаждения звучал не как фон, а как низкочастотный вой, вибрирующий в костях.

В центре модуля, в прозрачном коконе биологической изоляции, лежал подросток. «Иммунный». В протоколах его обозначили как «Объект И-1». Для Лиры он был мальчиком лет шестнадцати, с острыми скулами и спутанными тёмными волосами. Его глаза были закрыты. Он спал. Настоящим, естественным сном, с быстрыми движениями глаз под веками и ровным дыханием.

Это было первое, что заставило её насторожиться.

– Смотрите, – тихо сказала она, обращаясь к Дымову, который возился с настройками сканера. – Никаких следов воздействия. Он просто спит.

– Ну и что? – Дымов пожал плечами, не отрываясь от приборов. – Может, он действительно иммунный. Природный феномен.

– Природные феномены так не выглядят. – Лира всматривалась в мониторы, где бежали строки первичных показателей. – Частота дыхания, сердечный ритм, давление – всё в абсолютной норме. Как у курсанта Академии после утренней зарядки.

– Повезло парню, – буркнул Дымов.

Лира не ответила. Она смотрела на нейрограмму, которую выводил сканер поверхностного уровня. И чем дольше смотрела, тем сильнее её пальцы холодели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.